

XV. Литература глазами социолога

1. Многозначность «круга»
(Анар «Круг», ж. «Дружба народов», N2, 1970).
2. Факт и образ.
(Владимир Канторович «Глазами литератора»).
3. Книга не для развлечения.
(Аким Тарази «Когда возвращается комета». Алма-Ата, 1971).
4. Глазами экономиста и социолога.
(Г. Лисичкин «Что человеку надо? М., 1974).
5. Неизбежность гармонии.
Диалог Майя Ганина – Виктор Переведенцев.
6. Затянувшееся детство.
(Герои «молодежной прозы»).
7. Главное – о чем и что.
(В рубрике «Как и для кого пишет критик?»)
8. Разрушение мифа.
(Михаил Анчаров «Самшитовый лес»)
9. Вопросы и ответы.
(Г. Лисичкин. «Тернистый путь к изобилию»).

МНОГОЗНАЧНОСТЬ «КРУГА»...*

(Повесть Анара «Круг»)**

«Троллейбус идет по определенному маршруту и не может изменить его. Если он хоть чуть-чуть отклонится, у него вылетят штанги. Троллейбус остановится. Трамвай тоже движется по неизменному пути. Если он сойдет с рельсов, будет авария. Хорошо, но почему же эта обшарпанная арба, именуемая маршрутным автобусом, ежедневно, ежечасно катит по одной и той же дороге... Ведь он-то может повернуть на любую улицу! Маршрутный автобус! Его судьба сложнее. Троллейбусу и трамваю мешают изменить маршрут внешние препятствия. Автобус подчиняется препятствиям невидимым: принятым им правилам, согласованному и утвержденному графику движения. Он не может нарушить этот график, эти принятые однажды правила, не может забыться, заблудиться».

В этих мыслях главного героя – ключ к социальному смыслу повести Анара «Белый лиман», названной в русском переводе «Круг».

Эта повесть – если говорить социологическим языком - о личности и социальном контроле.

Название повести символично и многозначно. Повесть начинается сном главного героя, Неймата Намазова, и заканчивается его сном. Это один «круг». В ином смысле «круг» - узкая группа людей, связанных с главным героем. Работники издательства, в котором Неймат работает переводчиком, родственники, соседи. Наконец, и «круг» «правил, законов, запретов и норм», «пленником» которых чувствует себя Неймат.

Я не буду говорить о художественной стороне повести Анара. Как читателя меня она вполне удовлетворила. Правда, мне было бы приятнее, если бы «социологический скелет» повести не так явно выпирал, если бы социологический подтекст более угадывался, чем явственно читался.

Сюжет повести незамысловат. Изображены два дня переводчика Бакинского издательства Неймата Намазова, события его жизни в эти дни и его мысли о них и в связи с ними.

С самого начала повести ясно, что главный герой своей жизнью не очень доволен. Десять лет назад Неймат женился на горячо любимой им Суре, вдове профессора, детям которого он, студент, давал уроки. Вероятно, именно этим в большой мере объясняется его нынешняя жизненная позиция. Войти в чужую семью, кстати, против воли тетушки

---

* Литературная газета N 32, 4 августа 1971 г.

** Журнал «Дружба народов», N 2, 1970 г.

Бикя, матери Суреи, - дело непростое. Однако автор на этой стороне дела не оставанвивается, как и на прошлом Неймата. Социальной родословной Неймата в повести нет. Истоки его жизненной позиции не вполне ясны. Быть может, автору это и неважно. Важна сама позиция – позиция активного приспособленчества. Тут автор не жалеет слов и не оставляет никаких возможностей для разночтений. «Неймат постоянно боялся прогневать Муртуза». Так же, как прогневать тетушку Бикя, Дадаша, Муршуда и, пожалуй, всякого, с кем он в повести сталкивается, хотя многие из них глубоко антипатичны Неймату (как, впрочем, и автору). Похоже, что Неймат столь же легко удовлетворяет «экспектациям» других, как вода принимает форму сосуда. Правда, в конце концов, он «взбунтовался». Но его пьяной храбрости хватило лишь на жалкую, пустяковую дерзость непосредственному начальнику Дадашу.

Вторая линия повести – история Тахмины и Заура (красавица и умница Тахмина – и пошловатый красавец с могучими бицепсами и автомашиной, купленной на папины деньги, Заур) – высвечивает основную тему повести с иной стороны.

Тахмина: «Когда я пришла на работу, я долго не могла найти общего языка с сотрудниками... Мне казалось, что я никогда не смогу привыкнуть. Но, знаешь, время все меняет... Иногда я не узнаю себя. Как получилось, что я смогла привыкнуть к этим людям? Даже не привыкла, нет, подружилась, привязалась, сравнялась...»

Заур: «Ну и что же? Подружилась. И хорошо. Разве это плохо – подружиться?»

Тахмина: «Я и не говорю, что плохо. Дело не в этом. Я к ним привыкла! Понимаешь, к их увлечениям, словечкам, шуткам, присказкам. Я знаю дни рождения их самих, их жен, детей наизусть. Я знаю их вкусы, их компании, тосты, знаю, кого выберут тамадой и что он скажет. Эх!».

Это, конечно, иной аспект дела. Любое сотрудничество требует определенного уровня согласия. Каждый адаптируется в новом коллективе. Но адаптация эта отнюдь не обязательно требует отречения от себя, как это получилось у Неймата. А вот Заур, потрясенный ночью с Тахминой, внезапно поумневший (это, пожалуй, состояние аффекта), пишет ей:

«Мы погибаем от ложных обязательств, псевдочувств, условностей, придуманных нами же самими. Мы боимся быть собой и играем ту роль, которую предназначают для нас глупцы и обыватели». И дальше: «...Я буду не таким, каким должен быть по правилам игры, а таким, какой я есть».

Это еще один поворот темы: **быть и казаться.**

Так или иначе, тема эта затрагивается всеми без исключения мало-мальски мыслящими героями повести. Все о ней думают, а один даже предлагает решение. Это – Дадаш:

«Из всего пережитого я вынес одно: надо работать. И цена человека, и совесть его, и честь, и душа – все это его работа. После человека остается только то, что он сделал.

Никто и не вспомнит, каким ты был: лжецом или правдолюбом, храбрецом или трусом. Будут вспоминать только об одном: что он сделал? Что оставил после себя?»

Но решение ли это для Тахмины и даже Неймата? Едва ли. Человек для труда? Жизнь для труда? А может быть, труд ради человека? Мне сдается, что именно последняя позиция более соответствует позиции автора и лучших его героев.

Иногда при чтении повести кажется, что позиция Неймата – это и позиция автора, ибо в повести многое дается в оценке этого героя. Но чем дальше, тем больше понимаешь, что это далеко не так, что отношение к нему сочувственное, но едва ли особо одобрительное.

Вот, успокоенный разговором с Тахминой, Неймат счастливо засыпает и видит красные корабли в далекой белой гавани. Что означает упомянутый выше «бунт» и этот сон Неймата? Начало нравственного выздоровления героя, его «выпрямления»? Не знаю. Прямого ответа на это в повести нет. При желании можно трактовать это и так. Но вероятен и такой вариант: прославившись, Неймат возвратится на стези своя, ужаснется своих дерзостей, всеми силами постарается все загладить. И опять станет примерным «героем» умеренности и аккуратности.

Однако более важным мне кажется другое. Анар великолепно показал, что путь нравственных компромиссов неизбежно ведет к распаду личности.

Хорошая постановка проблемы – половина ее решения. Проблема поставлена писателем хорошо. Поставлена на материале Азербайджана, что, естественно, вносит в повесть и в систему взаимоотношений действующих в ней людей некоторые особенности. Социологу бросается в глаза, что отношения героев повести – людей большого города – не очень-то городские. Такие черты их образа жизни, как узость круга общения, громадное значение соседства, подчеркнутое уважение к старшим и многие другие, - все это признаки типичного сельского общества. Явственно ощущается и влияние Востока, где эти традиционные черты наиболее живучи.

Однако эти особенности отнюдь не выпячены.

ФАКТ И ОБРАЗ*

Издательство «Советский писатель» выпустило книгу **Владимира Канторовича «Глазами литератора»**.

По мнению В. Канторовича, социолог и писатель работают на одном и том же поле и в значительной мере пользуются одними и теми же методами. Долгие годы литература в меру своих сил выполняла функции социологии. Особенно это относится к художественному очерку. Наиболее известные и яркие примеры – «Районные будни» В. Овечкина и «Деревенский дневник» Е. Дороша.

В. Канторович рассматривает главным образом конфликтные ситуации. Вот одна из них. Исследования социологов, проведенные в разных местах, показали, что почти все выпускники средней школы хотят получить высшее образование. Однако потребность в высокообразованных специалистах ограничена. В условиях, когда среднее образование становится всеобщим, школе, как говорит писатель, «нельзя оставаться только стартовой площадкой для запуска молодых людей в вузы и на орбиту «интеллигентных должностей». Недостаток информации и помощи молодым людям в профессиональной ориентации, мода на немногие специальности ведут к тому, что «выпускники чуть ли не всей массой готовят себя в специалисты по электронике, летчики, радиотехники...». Множество специальностей, нуждающихся в грамотных, квалифицированных кадрах, «не пользуется в глазах старшеклассников, **как и всего общества**, достаточным престижем. Речь идет в первую очередь о сфере обслуживания, включающей и торговлю». Ответственность за это, по мнению автора, несут и литераторы. «Не без содействия журналистов и писателей термин «обслуживать» стал чуть не синонимом «лакействовать»... «Торговать» - значит, чуть ли не обязательно мошенничать, воровать. Кино, радио, печать, литература, потакая обывательским взглядам, воспитывали юмористически-пренебрежительное отношение к труду в сфере обслуживания...»

Еще в постановлении ЦК партии о реформе школы в 1958 году отмечалось, что «некоторые из окончивших школы считают для себя оскорбительным заниматься физическим трудом». Последующие исследования показали, что такие настроения устойчивы, что они «воспроизводятся» в последующих поколениях. Так, было установлено, что подавляющее большинство выпускников сельских школ Смоленской

---

* Литературная газета № 36, 1 сентября 1971 г.

области хотели переехать в город, причем среди мотивов были и такие: «У меня презрение к сельской жизни», «В селе оставаться позорно», «Не хочу возиться с землей, с грязью».

Тревога писателя-социолога, как и счет, предъявляемый им нашей литературе и средствам массовой коммуникации, представляются совершенно правильными.

Социологические исследования показывают, что нынешняя школа перегружает учеников знаниями, которые нужны лишь на вступительных экзаменах в вузах. В то же время она не нацелена на то, чтобы пробудить у школьников культурные потребности. Наконец, школа слабо применяется к индивидуальным способностям и возможностям учеников. Некоторые факты должны вызвать у читателей тревогу за судьбы высокоодаренных, но «нестандартных» детей. Тартуские социологи проследили судьбу двадцати пяти худших выпускников местных школ. Средняя оценка их знаний в аттестатах зрелости равнялась 3,1. Однако 14 из них успешно закончили вузы, а восемь стали преподавателями вузов и научными работниками. Не говорит ли это о том, что требованиям школы иногда не отвечают именно высокоодаренные дети? Между тем, общество остро нуждается в интеллектуальном своеобразии и оригинальности.

Проблемы массовых коммуникаций В. Канторович рассматривает главным образом на материалах, с одной стороны, глубоких и тонких, но малоизвестных исследований эстонских социологов, с другой - на данных массовых исследований читателей, проведенных Всесоюзной библиотекой имени Ленина и опубликованных в капитальной книге «Советский читатель». Рассмотрение этой книги – образец истинно научного социологического анализа, на котором молодые исследователи могут учиться методам научной работы.

В целом книга много дает даже социологу. Замечаешь новые, ускользавшие от тебя ранее аспекты проблемы, новые взаимосвязи, видишь проблемы в иных, непривычных ракурсах. Еще больше может дать эта книга литераторам. Наконец, это прекрасная книга для первоначального ознакомления с социологией, своего рода «Введение в социологию» для всех, кто интересуется социальными проблемами.

КНИГА НЕ ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ*

Книгопродавец из Ростова-на-Дону О. Паули прислала в редакцию письмо, в котором высказала свое, отрицательное, мнение о книге казахского писателя Акима Тарази «Когда возвращается комета» (Алма-Ата, Издательство «Жазушы». 1971). Социолог В. Переведенцев не согласился с ее мнением.

Из письма О. Паули:

...Бывает, что автор новинки никому не известен, название книги ни о чем не говорит, аннотация – одни общие слова. В таких случаях я читаю книгу сама, чтобы рассказать о ее содержании покупателю. Но порою после чтения не знаешь даже, как рекомендовать произведение. Это письмо я пишу, ознакомившись с книгой Акима Тарази «Когда возвращается комета».

Впечатление от книги сложилось у меня тягостное. Я не обнаружила в ней ни одного яркого, запоминающегося образа. Поступки героев не объяснены, мотивы их действий непонятны, поведение иногда просто удивляет. Герои А. Тарази все время пьют водку, коньяк, жены изменяют мужьям, а мужья – женам... И когда они только работают?

Вот пример:

«Сука ты! Сидишь, будто ничего не понимаешь! – набросился Султан на жену. Два джигита схватили его с двух сторон и начали уговаривать успокоиться.

- Нет-нет, убью я ее...

Два джигита провозились с Султаном за полночь».

Потом они увели его куда-то, но Султан вырвался и убежал домой. Один из джигитов «...поспешно подошел к дому Султана, думая, что тот, пьяный, не помня себя, может со злости в самом деле убить жену. Двери были открыты настежь. В доме темно. У Санжана похолодело сердце.

Он вскрикнул, быстро зажег спичку. Но, смущенный и растерянный, тут же вышел из дома. Супруги, забыв про раздоры, занимались своим привычным делом».

Удручает самый текст книги. На мой взгляд, это подстрочник ... Вот и появляются в переводе фразы: «одинокая тропинка вела ее МИМО УГЛА ЗАГОНА ДЛЯ ОВЕЦ», «пол застлан чием», словосочетания «молодой приплод», «колючий тростник», «самцы овец» и все в таком же роде. Оставляет желать лучшего и стиль.

Уважаемая Ольга Владиславовна!

Из Вашего письма я понял, что Вам очень не нравится сборник Акима Тарази «Когда возвращается комета». По приведенным Вами выдержкам, не таким уж типичным для книги, я предполагаю, что она оскорбляет Ваше эстетическое и этическое чувство.

Я тоже читал книгу Акима Тарази, причем задолго до того, как увидел в редакции Ваше письмо. Книжки эта попала мне на глаза случайно – оказалась у соседа по самолету. Пока мы летели от Алма-Аты до Москвы, я прочитал ее от корки до корки. Не интересных для себя книг я никогда полностью не читаю.

---

* Литературная газета N 43, 20 октября 1971 г.

Во всех шести маленьких «повестях», как их называет издательство (на мой взгляд, все они, кроме «Чужого», скорее рассказы, чем повести), речь идет о людях казахского аула, об их взаимоотношениях, чувствах, стремлениях и конфликтах. Все шесть произведений связаны единством главных героев, что позволяет автору показать и жизнь аула, и жизнь своих героев с разных сторон. Нарисованная писателем картина, на мой взгляд, чрезвычайно любопытна.

Некоторые коллизии рассказов А. Тарази имеют не только казахстанское, а, я сказал бы, всеобщее значение. Вспомните, Ольга Владиславовна, «Серебряный страх». Это рассказ о попытке горожанина адаптироваться к условиям сельской жизни. С этой же темой связана, как Вы, видимо, помните, главная линия повести «Чужой». Ее герой Санжан, проживший восемь лет в городе, **пытается** и **не может** вновь стать аульным жителем. Тема «Горожанин в селе» имеет в наше время стремительного роста городов и урбанизации деревни громадное социальное значение. Совсем не случайно к этой теме обращаются многие и очень разные писатели. Может быть, Вам известна повесть Вашего земляка В. Семина «Сто двадцать километров до железной дороги», посвященная проблеме адаптации горожанина в селе, в донском хуторе? У Акима Тарази проблема та же, но, поскольку действие происходит в иной среде, а его «бывшие горожане» сильно отличаются от семинского учителя, то и художественное решение проблемы казахским писателем отнюдь не копия того, что сделано Семиным.

Далее, Ольга Владиславовна, Вы, несомненно, помните такого «сквозного» героя большинства собранных в книге произведений А. Тарази, как Кирпшбай. Этот образ мне кажется исключительно интересным. Кирпшбай – маленький, как он себя рекомендует, правильный человек. «Он доволен своей судьбой, знает, что ему позволено, а чего нет. Он, наверное, ни разу в жизни не ошибался, не совершил ни одного неправильного поступка... Если он будет уметь себя вести, кому же расти, как не Кирпшбаю! Если он не будет противоречить старшим, не будет подрывать свой авторитет, общаясь с нижестоящими, будет знать, что говорить и что делать, словом, не будет выходить из установленных рамок, - кому же расти, как не ему! .. У него прямые волосы, прямой лоб, прямой нос, хорошая фигура, шею он не повернет в сторону – двигается он только прямо. Он не смеется громко – он лишь слегка вежливо улыбнется. Он ходит и говорит осторожно...

- Жизнь не дается два раза, - говорит он, будто ставя печать после каждого слова, - поэтому, пока живешь, нужно пользоваться ею. Так говорил Островский, и я к нему присоединяюсь!

Это его обычная манера – присоединяться к кому-либо, соглашаться с кем-нибудь...»

Соглашаясь и присоединяясь, он переиначивает на свой лад и к своей выгоде любое слово и высказывание, опошляя все, чего касается. Подобные типы встречаются опять-таки не только в казахском, но и в любом другом селе, и не только в селе, но и в городе. Надо отдать должное социальной зоркости писателя.

Традиции, пережитки и новое в культуре народа, его слоев и групп, их соотношение и борьба – все это также нашло весьма интересное отражение у Тарази. Очень важной кажется мне и тема женского равноправия, тема утверждения личности женщины. Любопытно, кстати, что молодой писатель, давая негативное изображение отдельных пережитков (например, насильная выдача девушек замуж) и тем отрицая их, весьма уважительно относится к добрым народным традициям и совершенно правильно не выражает восхищения некоторыми «новациями», а иной раз относится к ним остросатирически.

Вам не понравилось, например, что в книге некоторые герои «все время пьют». А Вы обратили внимание, что выпивки, и особенно пьянство, крайне не нравятся и писателю, что «все время пьют» те персонажи, к которым автор относится отрицательно?

Очень колоритно показана такая традиция, как гостеприимство, поднесение подарков и отдаривание, вся система родственных отношений и проявлений их в обычаях. Так что в книге много познавательного, а это, на мой взгляд, немаловажное достоинство, особенно сейчас, когда критики отмечают резкое падение «познавательной функции литературы».

Вы, Ольга Владиславовна, можете возразить мне, что в литературе «как не менее важно, чем «что». Я, конечно, соглашусь с Вами.

Читая повести А. Тарази, и я «споткнулся» о те же самые строки, что и Вы. Но указанные Вами стилистические «огрехи», как мне кажется, более на совести переводчика и издательского редактора, чем автора.

Но имеются в книге и несомненные авторские просчеты. Мне кажется совершенно неоправданным «падение» Кодаркула Аккулиева в рассказе «Прощай, тень». Одно из двух – или Кодаркул не такой, каким он показан в предыдущем рассказе (кстати, это единственный герой, судьба которого прослежена с раннего детства), или «такой» Кодаркул должен быть несравненно устойчивее при «испытании властью».

Главная же, собственно художественная особенность книги в том, что она написана в манере киносценария. Действие очень динамично, а авторское обоснование поступков минимально. Именно поэтому читать А. Тарази иногда нелегко. Чтение этой книги –

работа. Читателю для постижения повестей надо (и во многих местах), собственно, сделать то, что при постановке киносценария делают режиссер и актеры. Это, повторяю, не книга для развлечения.

Я очень сочувствую Вам, Ольга Владиславовна, как продавцу. Название сборника действительно не дает никакого представления о его содержании. Почему «Когда возвращается комета»? В книге никаких «комет» ни в прямом, ни в переносном смысле нет. Что можно увидеть за таким названием? Я спросил некоторых своих знакомых, не читавших А. Тарази. Общее мнение было такое: это, наверное, что-нибудь научно-фантастическое или детективное. Очевидно, именно поэтому Ростовский книготорг и заказал больше экземпляров книги, чем следовало.

Итак, я не считаю, что книга Акима Тарази неудачна, хотя и могла бы быть переведена и издана значительно лучше. Книга, несомненно, интересна. Мне кажется, уважаемая Ольга Владиславовна, что, восприняв слишком эмоционально ее огрехи, Вы не заметили сильных сторон книги. В отличие от Вас, я рад, что познакомился с интересным казахским писателем, и, если мне придется увидеть на книжном прилавке его новую книгу, я обязательно приобрету ее.

ГЛАЗАМИ ЭКОНОМИСТА И СОЦИОЛОГА*

Хозяйственная жизнь интересует у нас десятки миллионов людей, а многие миллионы имеют основательную вузовскую подготовку по экономике. Какой должна быть в таких условиях экономическая книга, рассчитанная на массового читателя?

Для людей мало подготовленных издается прямо-таки море популярных книг и брошюр. В то же время читатель более подготовленный порой ощущает острый недостаток литературы для чтения. Именно на такого читателя, мне кажется, рассчитана новая книжка экономиста и социолога **Г. Лисичкина**^{**}, отмеченная свежестью мысли и живостью изложения материала.

Второе бесспорное достоинство книги – ее пограничность между экономикой и социологией. Автор свободно владеет методами и данными обеих из этих обширнейших областей, видит теснейшие взаимосвязи между ними, увлекательно их показывает. Начав, скажем, с такого общеизвестного и тривиального факта, как затоваривание магазинов плащами-болонья, он приходит в конечном счете к важнейшим выводам относительно наилучшего механизма экономического регулирования производства. Общеизвестный, но малопонятный феномен моды свободно сочетается автором с важнейшими политико-экономическими категориями.

Третье большое достоинство книги – откровенная ее публицистичность.

Специалисты хорошо знают, что написать сугубо научную работу обычно значительно легче, чем популярную. Но еще труднее написать книгу, которая, будучи адресована широкому читателю, была бы интересна и специалисту. Г. Лисичкину это, бесспорно, удалось. В этом заслуга и редактора книги А. Жолниной.

Пока мы почти ничего не сказали о содержании книги. О чем она? Говоря наиболее общо – о важных экономических проблемах развитого социализма, о поисках оптимальных вариантов в экономике. Но пересказ редко дает представление о реальном научном и литературном облике книги. Поэтому приведу лишь два характерных примера.

Одна из острых проблем нашей современной экономики – организация и оплата труда. Один из ее аспектов – за что платить? Г. Лисичкин – убежденный сторонник оплаты труда по результатам. Приведя данные, полученные в ходе щекинского эксперимента, напомнив о бригадном подряде в строительстве, о работе безнарядных

---

* Литературная газета № 9, 26 февраля 1975 г.

** Г. Лисичкин. «Что человеку надо?». Издательство «Советская Россия». М. 1974 г.

звеньев в сельском хозяйстве, автор убедительно раскрывает механизм стимулирующего влияния этих экспериментальных форм оплаты труда на его производительность, показывает заключенные здесь большие резервы нашей экономики.

Одна из лучших, на мой взгляд, частей книги – та, где рассмотрены соотношения между экономическими и моральными ценностями. Автор отвергает довольно-таки распространенный взгляд на отношения между людьми и вещами, согласно которому достаток портит человека. Поскольку наш критерий распределения – труд, «у нас нет никаких объективных причин для того, чтобы, так сказать, стесняться своего достатка».

С некоторыми страницами новой работы Г. Лисичкина можно поспорить, автор не везде остается равно убедительным, не всегда ему хватает средств литературной выразительности, но в целом это полезная, нужная книжка. В условиях общего дефицита времени и обилия информации много раз подумаешь, прежде чем рекомендовать читателю ту или иную работу. Книга Г. Лисичкина – тот случай, когда сомнений нет: читатель может много получить из этой небольшой книги.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ГАРМОНИИ*

Диалог Майя Ганина - Виктор Переведенцев

В. Переведенцев. Майя Анатольевна! Писатели и социологи занимаются, как мне кажется, одним делом – изучают человека. При этом мы сталкиваемся с одними и теми же жизненными проблемами. Насколько я могу судить, писатели обычно раньше замечают эти проблемы и острее чувствуют.

Нынешний год – Международный год женщины. «Женский» вопрос – один из острейших в современном мире. Поэтому и год особый объявлен. Мир стремительно меняется, меняется и положение женщины в обществе, возникают многие трудности, противоречия. В разных социальных условиях «женские» проблемы и стоят, и решаются по-разному. Мы можем гордиться достижениями советского общества и в решении женского вопроса. Наш вариант его решения – полное равенство между мужчинами и женщинами на основе труда в общественном производстве – находит теперь широчайшее признание в мире. Как известно, женщины заняты в нашем обществе столь же полно, как и мужчины, и занимают в производстве в целом не менее высокое положение. Достаточно сказать, что из каждых пяти дипломированных специалистов трое – женщины. А среди учителей, например, женщин – подавляющее большинство. Разумеется, говоря о равенстве полов, мы имеем в виду равенство социальное и экономическое, а отнюдь не то, что женщины должны обязательно заниматься теми же видами труда, что и мужчины (а так, кстати, понимают этот вопрос некоторые деятели феминистского движения на Западе). Однако нам, социологам, да, наверное, и писателям, интересно не общеизвестное, а именно проблемы, то есть еще не решенные задачи, где есть конфликты и противоречия...

М. Ганина. Мне тоже, Виктор Иванович, кажется, что ситуация, где ясно все и известно, не предмет исследования для литературы. Когда нет проблем и конфликтов, не о чем писать.

В. Переведенцев. В последние годы в нашей литературе было много интересного о женщинах. Всего, разумеется, и не перечислишь. Назову лишь несколько книг, где женщины, являясь главными героинями, показаны наиболее всесторонне – и в плане общественном, и в плане личном. Я имею в виду «Пелагею» и «Альку» Ф. Абрамова,

---

* Литературная газета N 10, 5 марта 1975 г.

«Южноамериканский вариант» С. Залыгина, «Неделю как неделю» Н. Баранской... И у Вас, Майя Анатольевна, припоминаю интереснейший тип новой интеллектуальной женщины – Агриппина из «Золотого одиночества», Вера Сергеевна из «Созвездия Близнецов». Давайте начнем с типичной городской женщины, излюбленного героя многих наших писателей. Насколько я знаю, героини, скажем, Н. Баранской или С. Залыгина очень затронули читателей, особенно читательниц. С повестью Н. Баранской с социологической точки зрения все просто. Там, говоря на нашем научном жаргоне, проблема совмещения традиционных ролей женщины (матери, жены, хозяйки) с новыми – производственными и общественными. В этом конкретном случае совмещение было довольно-таки болезненным...

М. Ганина. И, однако, посади героиню Баранской дома, чтобы она занималась только детьми и хозяйством, ее через год, а то и раньше, уже потянет обратно на работу. Ведь теперь редко какая женщина соглашается сидеть дома; даже не «интеллектуалки», как у Баранской, а самые простые женщины все-таки работают. Имеет значение, безусловно, материальная сторона вопроса, но и не только она. Женщина неработающая практически замыкается на своей семье и двух-трех знакомых. Как в деревне исчезла «улица», так в больших городах исчез «двор», общение. Ведь зачастую соседей по площадке не знаешь. Так что женщина идет на работу еще и за контактами, за тем, чтобы придерживаться современного уровня, если можно так выразиться. Информация о моде в одежде, о том, на какие спектакли ходят, какие книги читают, - все это имеет работающая женщина и не имеет неработающая. Заметьте – работающая женщина всегда выглядит моложе неработающей, хотя вроде бы должно быть наоборот.

В. Переведенцев. Согласен. Однако социологи совсем ведь и не ставят вопроса о «возвращении в семью», о возвращении на кухню, как почему-то думают некоторые эмоциональные читательницы. Речь идет о поисках путей рационального сочетания старых и новых ролей. Прекрасно, что все женщины работают, но совсем не прекрасно, что многим приходится трудиться по 13-14 часов в день: 8 – на работе и 5-6 – дома...

М. Ганина. Верно. Но я сначала – все-таки о работе. Именно там, в общественных отношениях, женщина, так сказать, «раскрепощена», разговаривает с коллегой-мужчиной на равных, и нелепо представить, что мужчина-конструктор сказал бы конструктору-женщине: «Уважаемая, я займусь работой, а ты почини карандаши, сбегай за ватманом и подклей порванные синьки». Они получают равную зарплату, равно образованны, и никому в голову такое не придет. Дома, однако, приходит. Муж и жена работают в одном отделе, в одной должности, а приходя домой, жена из продуктов, которые она же купила в обеденный перерыв, готовит обед, потом стирает, занимается детьми и т.д. Что в это

время делает муж, проследить трудно. В конце концов, жене это надоедает, и отсюда разводы. Думаю, что у Вас есть цифры.

В. Переведенцев. Цифры есть, они много раз печатались, в той же «Литературной газете», например. Когда количество разводов на 100 браков за четверть столетия поднимается с 3 до 27, когда каждая десятая молодая семья существует не более года, когда разведенные стараются не вступать в новый брак, - есть о чем подумать и социологам, и писателям. Кстати, писатели многое тут показали и разъяснили. Я, например, очень высоко ставлю и в художественном, и особенно в познавательном отношении роман С. Залыгина «Южноамериканский вариант». В этом романе типичные женщины большого современного города, типичные деятельницы научно-технической революции, «разные варианты одной и той же судьбы», как говорит писатель. Ирина Викторовна Мансурова пытается найти оптимальное сочетание трудовых и других функций женщины, не удовлетворена своей женской судьбой, мечтает о большой любви как выходе из этой неудовлетворенности. Хочет избавиться от жизни «под муторным и тягостным грузом... банальности». Ее попытка не удается, ей помогают «спасательные круги дел». В этом романе меня особенно привлекает «вариантный» подход к жизни, так созвучный стилю мышления научного работника. Судя по дискуссии, сразу после выхода романа суть его многими не была понята, роман этот, на мой взгляд, сильно недооценен.

Да, труд в общественном производстве стал для женщины потребностью. Но порой происходит подмена одного понятия другим. Одно дело – труд сам по себе как социальное и нравственное понятие. И другое – труд конкретный. Восемь часов труда – чистого или грязного, монотонного или творческого. Вообще почти каждый человек ощущает в труде потребность. Однако едва ли многие имеют потребность в 12-14 часах работы в день. Но мне интересно было бы поговорить о женщинах, находящих удовольствие в своей работе. Таких, как залыгинская Ирина Викторовна. Тем более, что героиня такого типа, мне кажется, и ваша излюбленная героиня. Да и в мировой литературе, кажется, это очень распространенный тип. Вот недавно я прочитал повесть Ингеборг Бахман «Три дороги к озеру» - там тоже интеллектуальная героиня, увлеченная своим делом.

Ваши героини – Агриппина из «Золотого одиночества», Вера Сергеевна из «Созвездия Близнецов» - того же типа. Насколько можно судить по данным и науки, и литературы, у многих героинь этого типа не получается полноценного, органического сочетания работы с другими сторонами жизни. Они не гармоничны. У них в одном хорошо, в другом плохо, или наоборот.

М. Ганина. Меня действительно интересуют в последние несколько лет (я почти только о них и пишу) так называемые «деловые» женщины, то есть женщины, одержимые своей

«предназначенностью», своим талантом. Интересуют, во-первых, тем, что женщина такого типа – чистое порождение двадцатого века. Раньше одержимость, страстная увлеченность своим делом были качествами, присущими только мужчине. У женщин одержимость проявлялась в любви, в семейной сфере. Сейчас появилось много женщин, весь темперамент и ум которых направлены на то дело, которое они избрали. Я даже не сказала бы, что это привилегия женщин-гуманитариев. Я знаю женщину-прораба и главного диспетчера строительства, уборщицу в цирке (я о них, кстати, тоже писала), директора института ревматизма и директора института красоты. Ну и актрис, конечно, искусствоведов, журналисток, биологов... Это женщины талантливые и потому одержимые.

В. Переведенцев. А на меня как читателя некоторые «одержимые» женщины производят впечатление очень односторонних, внутренне негармоничных людей, которые в работе часто ищут «замещения» неудачам в другом. Происходит то, что у социальных психологов называется сублимацией. С. Залыгин, насколько я помню, говорит о «спасательных кругах дел», с помощью которых Ирина Викторовна выходила из трудностей любви.

М. Ганина. Одержимый человек не может объять все. Я не считаю, что это односторонность. Возьмите мужчину, поглощенного своим делом, ученого или писателя. Для обеспечения гармонии в его семье есть жена. Но никакой мужчина не согласится играть, так сказать, роль жены при деловой женщине ради этой самой пресловутой гармонии. Ну, а поскольку человек не может быть в двух ипостасях – и мужем, и женой, то и происходит некий крен с одну сторону. Так что тут дело не в ущербности этих женщин, не в том, что они «сухари» и «синие чулки», а в смене нагрузок, в том, что психология человеческая, личное отношение к новым явлениям жизни гораздо позже «перековываются», смиряются с этими явлениями. Кстати сказать, это не только наша проблема, это проблема мирового порядка. Вы упоминали повесть австрийской писательницы Ингеборг Бахман. Героиня ее – женщина-фоторепортер, которую посылают на поля сражений гораздо охотней, чем мужчин-фоторепортеров, во-первых, потому, что она талантлива, а во-вторых, потому что, как утверждает ее начальник, «она не струсит». Это тоже одержимая своей работой, своим делом женщина, и она тоже однобока.

В. Переведенцев. Мы мечтаем о том, чтобы человек был гармоничен, всесторонне развит. Может быть, героини современной литературы – это переходный этап, когда они еще не могут быть всесторонними? И наша Вера Сергеевна, и героиня Бахман – ведь они, в конечном счете, все-таки страдают оттого, что другая сторона – семья, любовь – не

очень удалась. У Бахман повесть чем заканчивается? Она встречает в конце жизни человека, который, оказывается, ее всю жизнь любил. Насколько я понимаю, это ее потрясает. У нее было немало возлюбленных. Но разве она удовлетворена? До последнего момента она «оттесняет» неудовлетворенность, заглушает ее работой.

М. Ганина. Поскольку прошло не очень много времени с момента нашего «раскрепощения», в любой женщине живы «атавистические пережитки». Любая женщина, безусловно, желает любви, наверное, мечтает о детях, о семье, но когда она получит семью, получит любовь, получит детей, возможно, она опять рванется к своему делу. Что в ней сильнее – ее талант, ее призвание или ее женское естество? Дело в этом. Нельзя объять все. Повторяю, человек не может быть в двух ипостасях, или, если этот человек, эта женщина «всего понемножку» - она уже не талант, там, где «тепленько», уже нет страсти. В литературе и в жизни много примеров тому, когда с детства «многосторонне одаренный», играющий на скрипке и рисующий картины, пишущий стихи и к тому же «душа общества» в результате оказывался пустоцветом. Ну, а в глазах окружающих он, вероятно, гармонически развитая личность. А талантливый человек, как правило, всегда односторонен, всегда сосредоточен на своем и потому в периоды особой занятости работой бывает раздражительным, необщительным. Вспомните Толстого. Это не особенно удобно для окружающих. Впрочем, мужчине, особенно если у него уже есть имя, это прощается, образ нелюдима-ученого, рассеянного и резкого, сделался почти штампом. И представьте, что этот нелюдим-ученый – ваша жена.

В. Переведенцев. Пожалуй, это именно штамп. У меня нет впечатления, что научные работники более резки, чем другие люди. А рассеянность – обратная сторона углубленности. К сожалению, женщине трудно бывает сосредоточиться – муж, дети, магазины, кухня. Чем выше «уровень», тем меньше доля женщин; среди академиков их совсем мало. Пожалуй, научная работа больше многого другого способствует гармоничному развитию. Но в целом тут то же, что и у мужчин. Некоторые героини такого рода, скажем, та же самая залыгинская Ирина Викторовна, вызывают массу упреков в неженственности, в излишней активности. Мне это не совсем понятно. Мы, общество, в течение нескольких десятков лет боролись за раскрепощение женщины, чтобы она могла достигнуть в жизни всего того, чего достиг мужчина, чтобы от равенства формального прийти к равенству подлинному. И вдруг Ирину Викторовну упрекают за то, что она взяла на себя инициативу в любовных делах. Но равенство общее, чему же здесь удивляться, что здесь плохого?

М. Ганина. Я думаю, это происходит от традиционного взгляда, что женщина должна быть слабой и нежной. Маркс говорил, что в женщине ценит слабость, в мужчине – силу.

Я, между нами, также придерживаюсь мнения, что женщина в отношениях лирических должна быть слабой, активность не ее дело. В то же время и с вами я согласна: коли во всем равенство, то и здесь должно быть так же. Пушкин написал около ста пятидесяти лет назад о Татьяне, которая была активной женщиной. Залыгин лишь продолжил традицию.

В. Переведенцев. Может быть, нынешняя интеллектуальная героиня – это какое-то переходное состояние. Мне лично кажется – сейчас я вижу много таких женщин, – что Залыгин написал строго реалистический роман. Такие писатели, как С. Залыгин и Ф. Абрамов, изучают жизнь, вероятно, научными или близкими к науке способами. Социальные микроструктуры их произведений могут быть выведены чисто расчетными способами.

М. Ганина. Думаю, что они пользовались другими методами. Есть выражение «умен талантом». Можно, конечно, но не обязательно поверять алгеброй гармонию. Талантливый человек обречен, так сказать, слышать жизнь и понимать раньше других, что в ней происходит и что куда идет...

В. Переведенцев. Может быть. Однако некоторые произведения наших писателей легко перевести на научный язык.

Вот возьмем Ф. Абрамова, который преимущественно пишет о деревенских женщинах. Смотрите: Анфиса, Лизка и многие другие в трилогии «Пряслины», Милентьевна в «Деревянных конях», Пелагея и Алька в одноименных повестях. Прекрасные в большинстве женщины и замечательно выписанные образы. Какие характеры! Правда, многие образы у Ф. Абрамова в принципе традиционны. Однако Пелагея – открытие, а еще большее открытие, с моей, социологической точки зрения, – Алька. Тут писатель явно обогнал социологов. Алька для меня, социолога, – событие. Я не знаю другого столь полнокровного и яркого изображения молодого человека на переходе из деревни в город. Маргинального человека, говоря научным термином, то есть промежуточного, стоящего между разными социальными «мирами», в данном случае – деревней и городом. Он стоит между разными «системами ценностей», разными требованиями к нему. Происходит, опять-таки говоря научным языком, «ресоциализация», преобразование личности.

М. Ганина. Мне кажется, Виктор Иванович, все-таки имеет большое значение то, что Алька ушла в город не в 30-х годах, а в 70-х. Деревенская девчонка, уходившая в город в 30-х годах, выглядела там нелепой, чужой и по языку, и по одежде. Абрамовская Алька уже почти без диалекта, одета она даже более «модно», чем ее городские сверстницы. В деревне теперь телевизор, радио, кино, под их воздействием нивелируются внешние различия. Что ни говорите – это серьезный барьер, сломанный временем.

В. Переведенцев. Вы затрагиваете очень важный вопрос – урбанизацию деревни. Конечно, деревня теперь – даже северо-русская деревня Ф. Абрамова – совсем не заповедник старого быта и языка. Деревенская молодежь в значительной мере подготовлена к переходу в город. И тем не менее, переход этот дается нелегко. В новом, городском окружении сельский человек чувствует себя неуверенно. Ему порой кажется, что горожане холодны и равнодушны. Возникает ощущение одиночества. Конечно, у нас этот процесс преобразования сельского человека в городского проходит иначе, в частности, несоизмеримо легче, чем в классово-антагонистическом обществе. Однако, как Вы помните по той же Альке, этот процесс все равно проходит в острых противоречиях. Изживаются одни понятия, наживаются другие. Алька интересна еще и тем, что она показывает большой сдвиг между поколениями. Алькина мать, Пелагея, при всей ее неоднозначности, - стяжательница. В пьесе «Деревянные кони» голоса из толпы («глас народа») характеризуют ее именно так: «стяжательница», «работница», «лучшая пекариха», но и «хапуга». Разумеется, качества Пелагеи вызваны определенными условиями жизни. Но несомненно, что Алька в этом отношении далеко отстоит от матери, хотя во многом другом – да в том же умении работать – подобна ей.

М. Ганина. Не согласна с определением Пелагеи как стяжательницы и хапуги. Пелагея знала черные дни. И естественно, что у нее, как у всякого обычного человека, есть желание – может быть, утрированное, - желание оградить себя от этого черного дня. Алька черных дней не знала и относится к жизни проще. В наших детях, мне кажется, исчез ген накопительства, потому что они, слава богу, не знали черных дней.

Впрочем, мы, кажется, выходим за пределы намеченной нами темы разговора. Вернемся, Виктор Иванович, к проблеме сочетания традиционных и новых призваний женщины. Как на это смотрит наука?

В. Переведенцев. Вопрос сложный. Сколько голов – столько умов. Думаю все же, что большинство социологов, интересующихся вопросом профессионально, сходится на том, что сочетание это неизбежно и плодотворно. А путь решения острых сегодняшних противоречий – в резком сокращении затрат женского труда в семье, быту. Домашние затраты труда можно уменьшить в два-три раза. Нужно резко улучшить работу сферы обслуживания в широком смысле слова, добиться, чтобы каждый мог, при желании, поместить своего ребенка в детский сад рядом с домом и чтобы он работал не только тогда, когда «мама на работе»; можно резко уменьшить труд на кухне (больше полуфабрикатов и т.д.)... Но это лишь одна сторона дела. Другая – социально-психологическая, то есть опять-таки близкая литераторам. К сожалению, мы не можем сказать, что нынешние юноши так уж прониклись духом равенства и готовы делить со

своими подругами и будущими женами бытовые тяготы «на равных». Почему-то все-таки молодые мужья часто думают, что жены должны их обслуживать. Это тяжелый и цепкий пережиток. Думаю, что в недалеком будущем, когда невест станет много меньше, чем женихов, с ним легче будет бороться. В советских условиях нет социально-классовых препятствий совершенствованию образа жизни. Остатки бытового неравенства будут преодолены. Но тут, кстати, очень велика роль самих женщин. Ведь это они не только рожают, но и воспитывают мужчин.

Мы начали с советской модели решения «женского вопроса», который, конечно, является вопросом социальным. Этот путь был успешным, хотя были и есть определенные трудности. Без этого и быть не может. Нельзя представить развитие без противоречий. Нужно только находить оптимальные пути выхода из этих противоречий. По поводу советской модели решения «женского вопроса» на Западе говорят немало критического. Но там, где пытались его решить другим образом – женщина за пределами производства, – сейчас приходят к выводу, что на этом пути решения нет. И француженки, и англичанки, и норвежки – все рвутся на производство. Даже те, кто имеет квартиры, дачи, машины.

Нашим женщинам остро завидуют многие женщины капиталистических стран (США, ФРГ, Норвегии и др.), которые ведут борьбу за равноправие в труде. В последние десятилетия в развитых капиталистических странах отчетливо определилась тенденция вовлечения женщин в общественное хозяйство, в труд по найму. Вот некоторые цифры. В США в 1950 году женщины составляли 29 процентов экономически активного населения, а в 1970 году – уже 37 процентов. В Англии в 1920 году работала лишь одна из 10 замужних женщин, а в 1970 году – каждая третья. В Японии в возрасте от 20 до 40 лет работают 80 процентов женщин, не имеющих детей, и около 50 процентов – имеющих детей. Можно сказать, что во многих случаях женщины прямо-таки рвутся на работу, а в требованиях, выдвигаемых деятельницами женского движения, равноправие в области труда обычно занимает ведущее место.

В это плане интересен публиковавшийся у нас роман Клер Эчерли «Элиза, или Настоящая жизнь». И здесь труд имеет не только узкоэкономическую ценность. В «личном», которое, разумеется, имеет громадное значение для человека, явно чего-то не хватает, каких-то духовных «белков», каких-то «витаминов».

М. Ганина. Видимо, не хватает ощущения собственного удельного веса в круговращении жизни. Однако, повторяю, все объять невозможно, чем-то волей-неволей приходится поступаться. Либо служение делу, таланту, либо так называемое личное счастье.

В. Переведенцев. Не слишком ли Вы категоричны, Майя Анатольевна? Хотя сегодня нередко бывает именно так, как представляется Вам, можно привести множество иных

примеров. А главное – человеком движет стремление к гармонии. В напряженном драматизме женских судеб, которые открывает нам литература, - жажда гармонии. И совершенствование общественных, социальных условий нашей жизни направлено к этому – к гармоническому развитию личности.

ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ДЕТСТВО...*

(Герои «молодежной прозы»)

Из письма в редакцию: В последнее время слишком много ведется разговоров об инфантилизме. Где только ни услышишь это слово... житейские разговоры об инфантилизме уже надоели, набили оскомину. Действительно ли объективно существует такое явление, как инфантилизм, или нет его?

К. Нефедов, студент

Волгоград

Читатель К. Нефедов из Волгограда, по-моему, безусловно прав вот в чем: разговоры об инфантилизме, то есть о позднем созревании личности, ее духовной незрелости, «уже надоели, набили оскомину».

А вот предложение читателя вообще отказаться от обсуждения этого явления, «пока оно не проявится в полной мере», вызывает возражение. Мы должны не просто обсуждать такую социальную аномалию, как инфантилизм, но глубоко и всесторонне изучать, исследовать ее. Тут нужны общие усилия. И социологии, и литературы.

Сегодня возрастные грани между социальной юностью и зрелостью несколько сместились. Нельзя не видеть, что в основе этого лежат кардинальные общественные изменения. В частности, необходимость очень продолжительного профессионального обучения для значительной части молодежи. И тем не менее, некоторые явления несут на себе явственную печать социальной патологии. Так, мы уже не удивляемся, когда родители толпами осаждают приемные комиссии вузов, как должное принимаем тридцатипятилетних людей за «молодых» научных работников...

Мы словно забываем, что история являла нам примеры другого рода. Вспомните Пушкина, Лермонтова, Добролюбова. А сколько прекрасных героических судеб дала наша советская действительность – Николай Островский, Гайдар!

Имена, которые я назвал, составляют нашу славу, нашу гордость. Но все-таки как молоды были эти люди! – говорим мы с восхищением и... удивлением. Вот это-то удивление заслуживает особого разговора. Что в этих людях удивляет нас сегодня? Может быть, и явное несоответствие их возраста тем высоким гражданским качествам, подлинной духовной зрелости, социальной активности, бесстрашию духа, сознанию человеческого достоинства – словом, всего того, что позволяет нам с полной

---

* Литературная газета N 45, 5 ноября 1975 г.

определенностью назвать их героями? Думая о них, нам не приходится делать скидок на их возраст. Они просто в таких скидках не нуждаются.

Что же такое **инфантилизм**? Посмотрим на это явление с точки зрения фактов, сообщаемых литературой. С точностью сейсмографа отметила она когда-то первые отдаленные толчки и колебания в духовном мире нашего современника, свидетельствующие о зарождении новых явлений и процессов. В героях «молодежной прозы» было нечто настораживающее: максимализм их подчас оборачивался нежеланием услышать трезвый голос умудренных опытом жизни «отцов»; жажда немедленного самоутверждения приводила порой к эгоцентризму. И все-таки казалось: у «мальчиков» есть будущее. Ведь не хватало им только одного – взрослости. Время – вещь неумолимая. Прошло более десяти лет – и «мальчики» выросли! Да что там выросли! Одним словом, уж не мальчик перед нами, но муж...

Но всегда ли муж? Вопрос мой не случаен. Взгляните на некоторых из этих тридцатилетних «мужей». Все ли они оправдали наши благие ожидания и надежды? Вот, например, Генка – герой повести В. Карамазова «Березовые веники» («Дружба народов, N 6, 1973), один из трех школьных друзей, история взаимоотношений которых составляет канву сюжета. Герой **просто** положительный, по мнению автора. Во всяком случае, в отличие от Степки, откровенно махрового карьериста и приспособленца. Но так ли это по сути дела? Арсен (герой, положительный **в высшей мере**) любя характеризует Генку следующим образом: «У тебя золотое сердце, Генка. Ты мухи не обидишь. Я это знаю. Но из тебя легко веревки вить. Рыжий уговорил, отправился с ним пить. Не рыжий, другой подвернулся б. А сердцем надо владеть. Иначе и ум потеряешь». «Золотое сердце» - как видим, увы, вовсе не гарантия «положительности» героя, его принципиального поведения, когда нужно бескомпромиссно защищать и утверждать нормы нашей общественной морали. Вольно или невольно при попустительстве таких Генок, героев с «золотым сердцем», но не готовых и не умеющих вступить в поединок с людьми, подобными Степке, и могут проявляться различные негативные явления в жизни. Это ли не одно из выражений духовного инфантилизма? Другое – атмосфера снисходительности, нетребовательности. К себе и к другим. Кажется, герой даже рассчитывает на такое именно отношение к своим «нечаянным слабостям». Оно освобождает от серьезной ответственности, от необходимости четко определить и заявить гражданскую позицию. Между тем, герою где-то около тридцати пяти. Он давным-давно закончил институт и десять лет работает прорабом. Однако и этот факт каким-то странным образом не повлиял на становление характера героя. Так, глядишь, и останется он до седых волос «Генкой». Не потому ли, что «Генкой» ему прожить, пожалуй, и легче? Вопрос не праздный.

Психология «маленького» человека. Не является ли она тоже олицетворением в известном смысле сущности разбираемого нами явления – инфантилизма? Проблема, таким образом, выходит за пределы только частного быта, сугубо личного поведения героев. Она сопрягается с нравственной жизнью всего общества. И поэтому крайне важно исследовать ее корни, не ограничиваясь ссылкой лишь на неудачные «семейные» обстоятельства. Помня, однако же, что «все начинается с детства».

«Человек не хочет быть маленьким – и это справедливо применительно к любому возрасту» (Н. Атаров). Юность мечтает о подвиге. И надо дать ей возможность пережить эти благородные чувства. И помочь ей в этом может искусство. И тогда переживший накал борьбы и торжество победы будущий «взрослый» не поддастся разрушающему скепсису, эрозии души.

Не забывают ли об этой истине некоторые авторы повестей о молодых? Впрочем, обратимся к самой литературе. Сегодняшней, текущей. Обратимся с точки зрения интересующей нас темы, выделяя лишь один ее аспект – социальный, точнее, аспект социального становления личности.

Повесть Андрея Битова «Сад». Показано пять предновогодних и новогодних дней студента Алеши, его экзаменационные и любовные дела, отношения студенческие и родственные. Учеба из-под палки, не для себя, не для дела, а для преподавателей, для мамы. Утро перед экзаменом. «...Мама шла проверить, что за подозрительная тишина у сына, уж не спит ли... Дверь отворялась, мама видела склоненную голову сына... некоторое удовлетворение появлялось на усталом мамином лице. И мама ушла. Все сразу разжалось в Алексее. (Больше ему не полагалось проверки,). Тело вдруг затеплилось, зацепенело до кончиков пальцев». Начинается экзамен. «...Отворилась дверь, в дверях – доцент Вершинин, все ринулись. Набились в три задних ряда, как селедки. «Мальчишество, глупость, - думал Алексей, толкаясь и пихаясь со всеми и занимая последний краешек последнего сиденья, - все равно ведь сгонят...»

- Что за детский сад! – сказала ассистентка Большинцова... - Аудитория специально большая... По два человек за стол.

Все давились со щенячьим замиранием и не трогались с места. Это относилось ко всем, но не к каждому».

Не стоит даже быть искушенным читателем, чтобы поставить безошибочный диагноз – перед нами нравственный недоросль. Как он поведет себя в «критических» обстоятельствах, когда от него потребуются проявление уже гражданского мужества, социальной зрелости? Нет, я не смею подозревать героя в трусости и тем более не имею права сомневаться в его, скажем, порядочности. Но сознает ли он себя необходимым

человеком, когда должно уметь вступиться за справедливость против лжи, лицемерия, ханжества, может ли он жить по высокому нравственному кодексу всегда, не давая себе поблажек и не делая скидок на «детство»?...

А вот большая повесть М. Глушко «Ночной троллейбус». Ее герою – Сергею Шлыкову – «надоела сильно умная, сверхинтеллигентная семья, состоящая сплошь из кандидатов наук, где он чувствовал себя отпетым дураком; здесь постоянно велись высокоинтеллектуальные разговоры, и мать изъяснялась одними афоризмами. А отчим отделивался ироническими замечаниями или хранил многозначительное молчание, которое ничего не значило». Герой бежит в южный город, к родному отцу, о котором он фактически ничего не знает. Уезжает с пятеркой в кармане и мечтой о том, как он шикарно расплатится с таксистом, когда они с отцом приедут с вокзала домой. Проголодавшись, герой идет в вагон-ресторан, решив, что трешку из этой пятерки можно потратить на обед. «Он выбрал скромный салат, лангет. Ну, и сто граммов, конечно». Официант «элегантно положил счет» на два рубля с копейками. И хотя герой был уверен, что «влезет в два рубля», и подозревает, что набежала «лишняя полтина», не менее элегантно бросает трешку: «- Сдачи не надо».

Ну что ж, герой обрисован вроде бы достаточно ясно. Однако не будем торопиться с выводами. Речь в повести о другом – о «становлении характера молодого человека в рабочем коллективе, приобщении его к труду, который дает герою почувствовать себя самостоятельной активной личностью» (из аннотации к книге). Есть ли это в повести? Да, есть. Но есть и другое, на что автор, мне думается, не посчитал нужным обратить какое-нибудь внимание (возможно, не придавая тому значения) – а именно: приобрета специальность, став экономически самостоятельным человеком, герой СОХРАНЯЕТ, чтобы не сказать культивирует, в своем характере черты инфантилизма. Сохраняет скорее инстинктивно. Но цель та же: он требует снисхождения к себе в тех случаях, когда может оказаться грубым, резким, несправедливым. «Таким, как ты, вообще незачем жить, слышишь! – этот жестокий упрек отцу, которого он «спасает», не слишком долго мучает героя. Всегда можно попросить прощения, зная, что будешь великодушно прощен. Что из этого следует? Автор как бы пренебрег показом именно духовного роста героя, полагая, не исключая, что достаточно «приобщить его к труду». Достаточно ли? Не обедняется ли тем самым наше представление о труде как о творчестве, об искусстве, которое должно сделать человека духовно прекрасным? Ни автору, ни герою подобная мысль почему-то не приходит в голову. А значит, они об этом и не заботятся. А жаль!

Конечно, я не хочу сказать, что и А. Битов, и М. Глушко в восторге от своих героев. Нет. Но если у Битова – маленькое психологическое исследование, то М. Глушко

будто не верит, что история духовного возмужания героя может быть хоть сколько-нибудь интересна читателю. Повесть насыщается детективными элементами, душеспитательными сценами. В результате повести М. Глушко и в еще большей степени повести В. Карамазова в целом присуща та же печальная особенность, что и их главным героям, - инфантилизм. Так, В. Карамазов, скажем, не нашел лучшего решения проблемы, чем перевоспитание зарвавшихся чинуш в бане с помощью березовых веников. Наивно? Безусловно! Смешно? Едва ли.

Речь в данном случае о позиции писателя. Каково его отношение к герою, к изображаемым событиям и ситуациям, к миру, в конце концов?! Есть ли у него та «высшая точка» (Горький) зрения, которая и является первым и неперенным условием творчества? Та сверхзадача, главная идея, которая вдохновляла Фадеева и Островского, чьи герои оказались и сегодня близки нашему молодому читателю? И, конечно, не случайно. Стоит ли доказывать, какими прекрасными героическими характерами богата наша социалистическая действительность? Вопрос в другом: всегда ли литература идет в ногу с временем, тонко ли и чутко улавливает она высокие ритмы нашего многогранного бытия?

Я ни в коем случае не хочу, чтобы у читателя создалось односторонне представление о молодых героях литературы. Разумеется, инфантилизм – явление далеко не общее. Посмотрите хотя бы на героев книг Федора Абрамова. Вот наша молодая современница – Алька Амосова (повесть «Алька»). Сильно не повезло ей в критике. Много возведено на нее напраслины. А ведь с точки зрения социальной зрелости Алька – герой не только чрезвычайно любопытный, но и, я бы сказал, положительный. Бесспорно, что в свои девятнадцать лет Алька совершенно взрослый человек, прекрасно разбирающийся в тех сторонах жизни, знания которых не получишь ни из книг, ни из телепередач, - такие знания добываются лишь собственным опытом, трудом.

Вывод очевиден: лучшее лекарство от инфантилизма – труд. К социальной зрелости ведет самодеятельность, самостоятельное и ответственное участие в делах общества.

Одним словом, как можно больше уважения, но и как можно больше требования к подрастающему поколению – эту истину, высказанную в свое время Макаренко, следует помнить всем, кто несет ответственность за воспитание юных. И писателям в том числе.

ГЛАВНОЕ – О ЧЕМ И ЧТО*

(В рубрике: «Как и для кого пишет критик?»)

Факт общеизвестный: литературная критика пока не завоевала массового читателя. Достаточно сослаться на такой пример: в библиотеках пяти городов, обследованных социологами Государственной библиотеки имени В.И. Ленина, «только один-два процента книг был взяты... под воздействием рекомендаций печати» («Литературное обозрение», 5, 1973).

Почему же «самый читающий в мире народ» так мало читает критических статей?

Причины здесь разные. Главная, однако, мне думается, - в качестве массовой критической продукции.

Многие критики не могут или не желают выйти за пределы сугубо литературных или литературоведческих сюжетов, рассматривают, по существу, технику писательского ремесла, что может представлять существенный интерес лишь для очень узкой литературной и околосреды. Обычного же читателя (то есть не писателя, не критика, не журналиста) прежде всего, интересует содержание книги, **ее тема**, говоря житейски – **о чем** она? Во вторую очередь среднего читателя интересует вопрос – **что** писатель говорит, и лишь в третью – **как** он это делает, то есть вопрос формы, художественного мастерства, литературных достоинств произведения.

«Люблю читать о войне» (семье, деревне, разведчиках и т.д.) – вот обычная формула читателя библиотеки.

Ну а как же быть с художественными качествами произведений? «Минимальное место, - свидетельствуют социологи, занимают эстетические достоинства произведений – о них упомянули всего 18 процентов наших собеседников. Но не стоит обольщаться даже этой не слишком значительной цифрой. Как правило, речь идет об удовлетворенности тем, что книга «легко читается». Вряд ли правомерно считать это размышлениями о художественной форме. Говоря «это хорошо написано», неискушенный читатель просто одобряет авторский замысел или констатирует, что чтение не вызвало у него особых затруднений».

Как видим, в отличие от эстетических критериев большую значимость для многих читателей имеет «познавательность» художественной книги.

---

* Литературная газета N 8, 22 февраля 1978 г.

Вот и выстраивается уже отмеченный ранжированный ряд требований к художественному произведению: о чем? что? как?

Одно это делает эстетическую критику малопривлекательной для массового читателя. Можно пожалеть о недостаточно развитых эстетических требованиях рядового читателя, можно пожелать ему развития художественного вкуса, можно достаточно обоснованно упрекнуть общеобразовательную школу за качество преподавания литературы и т.д. Нельзя одного – заставить человека читать эстетическую критику, если она его начисто не интересует. Полемиически заостряя вопрос, я хочу сказать: эстетические моменты могут в нынешних условиях быть лишь своего рода «довеском» к статьям существенно иного содержания.

Читателя интересует жизнь, та реальность, что стоит за произведением. Следовательно, рассчитывать на успех у читателя может лишь тот критик, который сообщит читателю нечто существенное об этой самой реальности. И сделает это, кстати, достаточно занимательно.

Читая нашу критику, нетрудно заметить, что о жизни рассуждают многие. Но вот уровень этих рассуждений...

К сожалению, приходится констатировать, что нередко критик не понимает, **о чем** написал писатель. Приведу один весьма показательный пример.

Кто из людей, близких к литературе, не знает повестей Федора Абрамова «Пелагея» и «Алька»?! Первая вызвала в критике всеобщее одобрение, вторая – привела ее в недоумение. Особенно же героиня, Алка Амосова.

В 1975 году, через три года после выхода повести «Алька», мне пришлось по предложению редакции «Литературного обозрения» писать о ней большую статью «Феномен Алки Амосовой» («Литературное обозрение» № 9, 1975). К тому времени о повести и ее героине было уже многое сказано. По научной привычке изучать «литературу вопроса» я прочитал все критические статьи о повести. И узнал, что для первого писавшего о ней критика «Алька остается самой неясной героиней Федора Абрамова», а последний написал, что «оказавшись в городе, устроившись на работу официанткой, Алка почувствовала себя как рыба в воде...». Я не привожу фамилий. Дело не в них, поскольку и никто другой из критиков Алки не понял.

Почувствовать себя в городе «как рыба в воде» Алка никак не может, не может **принципиально**, поскольку она – **маргинальный** человек, маргинальная личность, говоря языком социологии и социальной психологии, то есть личность промежуточная, оторвавшаяся от одной среды и не вошедшая еще в другую. Алка проходит тяжелый этап адаптации к городу, вживания в новую среду. Герои такого рода в современной советской

литературе достаточно часты (у В. Шукшина, Е. Носова, Н. Евдокимова и многих других). Писатели этот процесс чувствуют и понимают хорошо, критики, судя по публикациям, не понимают.

Социологическая беспомощность критики долго мешала понять многое в Шукшине, у которого маргинальный человек – излюбленный герой. Кстати, о своей собственной маргинальности В. Шукшин сказал сам, возможно, потому, что этого не сделали критики. Напомню эти очень важные слова: «Так у меня вышло к сорока годам, что я – ни городской до конца, ни деревенский уже. Ужасно неудобное положение. Это даже – не между двух стульев, а скорей так: одна нога на берегу, другая в лодке. И не плыть нельзя, и плыть вроде как страшновато. Долго в таком состоянии пребывать нельзя, я знаю, упадешь». (Сборник «Культура чувств». М. 1968).

Приведенный мною пример особенно удобен тем, что прост и бесспорен. Альку Амосову к маргинальным личностям отнесет **любой** социолог и социальный психолог. Да и не только они. Вот и литературовед Ю. Постнов, полемизируя со мной («Литературное обозрение», № 4, 1976), в маргинальности Альки совсем не сомневается.

Другой пример. Думаю, что наши критики плохо разобрались в социальной сущности романа С. Залыгина «Южноамериканский вариант».

Рассмотрение критиком процессов, лежащих в основе названных здесь произведений Ф. Абрамова (урбанизация села, переселение сельских жителей в города, социально-психологическая адаптация к новой среде) и С. Залыгина (развитие городской семьи, изменение положения женщины в обществе, демографические процессы), само по себе может быть чрезвычайно занимательным для читателя. Но ведь для этого нужно кое-что о таких процессах знать, то есть критик в данном случае должен быть не только литератором, но и социологом, и демографом (речь, естественно, идет не о дипломах).

Таким образом, я полагаю, что критика может иметь очень большой успех у читателя, если литературные произведения будут рассматриваться на широком житейском фоне. Я не открываю Америку – именно таков был характер литературной критики у Чернышевского, Писарева и других великих критиков прошлого столетия. Нередко литературное произведение служило лишь поводом к рассмотрению серьезнейших жизненных явлений. И читатель, полагаю, не был от этого в накладе. Именно эта особенность произведений великих критиков делает их статьи интересными и теперь, через сто с лишним лет после их опубликования, интересными даже безотносительно к произведениям, послужившим поводом для размышлений.

Кстати, критика такого рода могла бы иметь существенное социальное значение как средство осознания обществом его важнейших проблем, то есть критика выполняла

бы в значительной мере ту же роль, которую выполняют и другие роды литературы. Общественное осознание социальных проблем без литературы, помимо литературы сейчас, видимо, невозможно.

Этим я, разумеется, отнюдь не думаю отвергать эстетическую критику. Как не думаю отвергать и критику, направленную не на массового читателя, а на литератора, на решение сугубо литературных задач.

Сам я предпочел бы читать критику не эстетическую и не социологическую, а **синтетическую**, то есть и эстетическую, и социологическую, и этическую, и философскую одновременно. Только достижимо ли это?

Самой интересной для меня в последнее время была дискуссия о рассказах В. Белова «Воспитание по доктору Споку», «Чок-получок» и «Свидания по утрам» («Литературное обозрение, NN 5, 9, 10, 1977»). В ней участвовали писатель А. Стреляный, журналистка Л. Кузнецова, философ Г. Наан и критик Вс. Сурганов. С моей точки зрения, все статьи этой дискуссии были хороши. Сложная действительность современной семьи, великолепно изображенная В. Беловым, давала основания для всех выраженных в дискуссии точек зрения.

Среди этих статей одну – Вс. Сурганова – можно отнести к эстетической критике. Из нее я узнал кое-что новое для себя о писателе. Одна – академика Г. Наана – философско-социологическая, посвященная почти исключительно демографической реальности современного мира. И вот эта-то статья, в общем далекая от привычной нам критики, чрезвычайно обогащает наше представление о рассказах В. Белова, показывает, на каком «глубоком месте» проводит автор свои художественные исследования.

Эта дискуссия еще раз наглядно показала далеко зашедшую специализацию критики. Думаю, что этот процесс – часть общего процесса специализации, чрезвычайно характерного и для современной науки. Однако в науке давно уже осознаны необходимость и принципиальная возможность синтеза. Думаю, что это необходимо и возможно и в критике.

Хотя социологическая критика количественно еще незначительна, в ее активе есть, на мой взгляд, серьезные достижения (статьи и книга «Мера истины» Ю. Кузьменко, работы Ф. Кузнецова и т.д.). Разумеется, к этой критике нет никаких оснований относить множество критических статей, авторы которых судят о действительности на основании здравого смысла: социологическая критика – научная.

Опубликованные в дискуссии «ЛГ» статьи имеют, на мой взгляд, преимущественно «внутрикритическое» значение. Они целиком обращены к литераторам. Не пора ли,

наконец, участникам обсуждения попытаться ответить и на вопросы, которые ставит **рядовой** читатель.

РАЗРУШЕНИЕ МИФА*

Роман Михаила Анчарова «Самшитовый лес» — сложный, многоплановый. Написан он — по словам автора — «для тех, кто любит, когда о сложных проблемах рассказывают без занудства... для тех, кто любит сложные проблемы». Это можно было бы и не пояснять, но мне кажется, что автор опасается, что его могут не понять или поймут не так, как ему хотелось бы. Думаю, что именно потому по всему роману разбросаны многочисленные авторские «указания». Роман и начинается предупреждением, что «все научные положения в романе не доказаны в отличие от житейских фактов, которые все выдуманы».

Думаю, что сам я отношусь к тем, для кого написан роман, и, наверно, именно поэтому прочитал его с большим интересом и удовольствием. Думаю, что занимательность романа — одно из больших его достоинств, ибо без этого и все остальное было бы ни к чему.

На тесных страницах газеты невозможно всесторонне исследовать этот сложный роман. И потому я выделю лишь одну его «нить», надеюсь — основную, неразрывно связанную с главным героем, исследователем и изобретателем Сапожниковым. Суть ее — что такое научное творчество, творческий человек, как развивается наука, возникают открытия и создаются изобретения. Это одна из главных проблем научно-технической революции, ибо развитие народного хозяйства все больше и больше зависит сегодня от развития науки. А это неизбежно означает громадный рост научных учреждений, создание особой отрасли народного хозяйства по производству знаний, в которой заняты миллионы людей (в 1978 году в СССР — более четырех миллионов), стремительный рост числа исследователей. И возникла в этих условиях и на этом фоне довольно спорная идея о «коллективном научном творчестве», о том, что пришел конец исследователю-одиночке и «кустарю»-изобретателю. И стало уже некоторым казаться, что производство научных идей лучше всего организовать по принципу конвейера, для чего надо наладить поточное производство самих исследователей и изобретателей. Создается впечатление, что на роль научного работника годится каждый, кто получит высшее образование. То, что на самом деле это не так, достаточно очевидно для самих ученых. Но, к сожалению, неизвестно массам. Миф о «коллективном творчестве» стал одним из самых распространенных и вредоносных мифов, в изобилии воздвигнутых вокруг науки. М. Анчаров камня на камне не оставляет от этого мифа и великолепно показывает — в пределах возможностей

---

* 1979 г.(?) Отпечатано по гранкам. Номер газеты пока не установлен.

литератора, — что такое творческая работа изобретателя и исследователя. Он прослеживает судьбу своего героя — изобретателя Сапожникова с малых лет до весьма зрелого возраста. В самом раннем возрасте проявляются некоторые особенности личности, из-за которых Сапожников-школьника считали даже дефективным, и даже не кто-нибудь и не где-нибудь, а некоторые учителя и воспитатели в школе. Какие особенности? Прежде всего — самостоятельность мысли и упорство в отстаивании своей позиции.

А вот для этого надо прочитать сам роман, где все это подано в весьма искусной форме. У меня здесь просто нет места говорить о художественной стороне «Самшитового леса». Меня эта сторона вполне удовлетворяет, но если мне скажут о некоторых литературных слабостях романа, я спорить не стану. Вообще же восприятие художественного произведения, по глубокому моему убеждению, дело вкуса. Кому-то может, скажем, не понравиться многочисленность литературных реминисценций и прямых цитат, разбросанных по всему роману, а кому-то и понравится. А мне это безразлично.

А вот существо громадных социальных проблем, поставленных в романе, — оно объективно. И эти проблемы затрагивают практически всех, поскольку речь идет о науке в эпоху НТР. Разумеется, не дело романиста давать практические рецепты, но вынесение их на общественное обсуждение представляется мне обнадеживающим фактом.

Ведь до тех пор пока научные истины не будут высказаны литературой и искусством, они не станут достоянием масс.

Стремление разрушить в общественном сознании вредоносный миф о «коллективном творчестве» в науке и изобретательстве — бесспорная для меня общественная заслуга М. Анчарова. Как велико будет в этом отношении влияние романа — зависит от количества его читателей. И мне очень хотелось бы, чтобы сложная форма этого романа и сложность проблем, о которых идет в нем речь, не отпугнули массового читателя.

Хорошо сказано в романе и о другом околонульном мифе — о необходимости якобы приближать науку к жизни. Должен сказать, что ни разу не приходилось мне встретить исследователя, который не желал бы, чтобы его научные достижения были использованы в практике, а вот нежелание этой «практики», то есть определенных людей и учреждений использовать научные достижения, встречается постоянно. Так что надо — в некотором смысле — приближать жизнь к науке. Что же касается приближения науки к жизни, то в романе об этом неплохо сказал сам Сапожников: «Талант — это дойная корова. Ему нужно, чтобы его доили. Недоенная корова болеет... Я дойная корова! Я болею, когда

меня не доят... Корова любит ласку, и музыку, и зеленые поляны. Тогда она перевыполняет план по маслу и простокваше... Корову надо доить, чтоб она не болела... Но ее нельзя заставлять участвовать в скачках!.. Я не хочу быть гоночной коровой!..»

Да, к сожалению, коровьи гонки случаются, а между тем «история человечества наполнена воплями изобретателей», а «изобретению сопротивляются именно те, кому оно должно принести пользу».

Нет, определенно хороший роман написал М. Анчаров. И хотя многое в нем относится ко времени, «когда кибернетика считалась исчадием, а к генетике относились хуже, чем сейчас к сексологии», роман чрезвычайно современен, ибо поставленные в нем проблемы вечны. И каждое новое поколение будет решать их для себя и для последующий времен и поколений.

Вот школьник Сапожников изобрел оригинальный спасательный пояс. Учитель физики — единственный из учителей высоко ценящий те особенности мальчика, которые и сделают его выдающимся изобретателем, — пытается понять, как это ему удалось.

— «Ты можешь мне подробно рассказать весь процесс, который привел тебя к решению задачи с поясом?»

— А что такое процесс? — спросил Сапожников.

— Ну хорошо... Была поставлена задача — придумать новый спасательный пояс...

— Освод поставил, — сказал Сапожников.

— Что поставил?

— Освод поставил задачу...

— Помолчи... В котором не было бы недостатков пробкового пояса — громоздкости и надувного — долго надувать, когда человек тонет... Я правильно формулирую?

— Вы правильно формулируете.

— Ну, и что дальше? Дальше ты начал читать книги насчет поясов...

— Зачем?

— То есть как зачем? Чтобы узнать, что придумали до тебя.

— А зачем?

— Ты действительно дефективный! Чтобы прежние выдумки помогли новым.

— Так ведь никому не помогли, — сказал Сапожников.— Иначе бы конкурс не объявили».

Как скажет автор в другом месте, ученого делают не звания и даже не знания, а талант. А талант, как известно, вещь куда как редкая, и чем он больше, тем реже.

И много раз подчеркнуто в романе упрямство Сапожникова-школьника, ничего не принимавшего на веру, а поскольку дело было во времена, когда «любое сомнение

считалось грехом», то школьная репутация Сапожникова была незавидной («упрямый, как осел», «спорщик, ему ничего втолковать нельзя!»).

Между тем именно упрямство, умение смель свое суждение иметь и упорно его отстаивать вопреки всему — одно из ценнейших качеств творческого работника.

«На Сапожникове давно все крест поставили, а он взял и учудил — придумал вечный двигатель. Ха-ха. Когда всем известно, что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

— Ну, ладно, — скажет читатель, — это все наука, изобретательство, социальная психология. А какое отношение все это имеет к искусству? Речь-то у нас идет о романе.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ*

(Г. Лисичкин «Тернистый путь к изобилию»)

Двенадцать больших очерков, написанных на протяжении двух десятилетий – с 1965 по 1983 год, - рассказывают о тернистом пути к изобилию. Так и называется книга Геннадия Лисичкина.** Мысль автора развивается последовательно, доказательно. Одиннадцать глав – о заботах отечественного сельского хозяйства. Последняя – о Венгрии, где по-своему ведутся поиски решения аналогичных проблем.

Публициста часто спрашивают: «А что ты предлагаешь?» И не всегда на такой вопрос можно получить сколько-нибудь убедительный ответ. Тут совсем иной случай. Геннадий Лисичкин хорошо известен в кругах специалистов как экономист – исследователь, твердо придерживающийся определенных теоретических и практических позиций. Ему пришлось побывать и председателем колхоза, познать до тонкостей сельскохозяйственную практику. Прибавьте литературный талант: под пером Лисичкина «сухая» экономическая материя превращается в увлекательное повествование о жизни и труде человека на земле. Вот это приединство автора – ученого, практика и писателя – делает книгу особенно интересной для читателя.

Центральная, «осевая» тема – эффективность нашего сельского хозяйства. Хорошо известно, что вложения в него стремительно растут, а объем производства валовой продукции повышается медленно. В десятой пятилетке он был всего на 9 процентов больше, чем в девятой, за четыре года одиннадцатой вырос в среднем на 4,6 процента по сравнению с десятой. В чем причины этого?

Ссылки на недостаточно хорошие почвы и климат крайне неубедительны, на козни природы – тем более. Дело, по мнению автора, в несовершенстве производственных отношений.

На примере хороших - подчеркнем – хозяйств Геннадий Лисичкин доказывает, что неуклонно, от пятилетки к пятилетке по этой причине снижалась фондоотдача. Он докапывается до корней, ищет и находит первооснову углубляющегося разрыва между темпами роста стоимости фондов и общественной производительности труда.

Меня особенно привлек очерк «Сельские парадоксы». Он посвящен очень болезненному для некоторых мест процессу. Г. Лисичкин увидел такие факторы

---

* Литературная газета № 21, 22 мая 1985 г.

** Геннадий Лисичкин. «Тернистый путь к изобилию». Очерки. Издательство «Советский писатель». М. 1984.

миграции, которым многие специалисты не придают особого значения. «Как найти работу на селе?», «Где учиться и лечиться на селе?» - вот главки, посвященные вопросам, определяющим у сельской молодежи «охоту к перемене мест».

Кому из людей, знакомых с жизнью села, не известна «вечная» проблема запасных частей?! Г. Лисичкин уверяет нас, доказывает: проблема эта создана искусственно, она немедленно исчезла бы, если бы вместо «снабжения» была налажена торговля запасными частями.

Думаю, книга Г. Лисичкина не оставит равнодушными всех, кто интересуется деревней, сельским хозяйством, кого волнуют пути реализации Продовольственной программы. Читатель по достоинству оценит вклад исследователя, практика и литератора в решение наших общих задач.